

Жизнь в доме, где есть дети, и в опустевшем гнезде течет совершенно по-разному. Когда молодежь разъезжается по делам, взрослые часто перебиваются кое-как: то холодную лепешку перехватят, то пустой похлебкой обойдутся. Но стоит ребятам вернуться на порог, как в доме затевается настоящая стряпня, на столе исходит паром сытная еда, а вся семья усаживается в кружок, плечом к плечу. Нынешней зимой в деревне забивали свиней, и на каждую душу выделили почти по цзиню лишнего мяса. Над соломенными крышами Сикани вился легкий сизый дымок, и вся округа дышала праздником.

Ван Сюань возился у печи, а Лао Сы с сыном подпирали свес крыши тяжелым бревном. Соломенная кровля, не менявшаяся уже несколько лет, совсем прогнила. Из-за вечных протечек стропила подточила гниль, и под тяжестью навалившего за ночь мокрого снега крыша среди ночи не выдержала — с треском провалилась набок, изрядно перепугав спавших мужчин.

К счастью, остальные стропила выдюжили и удержали кровлю. Насилу дождавшись рассвета, Гоудань побежал к старому старосте рассказать о беде. Там выяснилось, что под весом снега пострадало еще несколько дворов, но, к счастью, обошлось без жертв. Погорельцы уже собрались у старосты, ожидая решения о распределении стропильного леса.

В лютую стужу о настоящем строительстве нечего было и думать, да и перекрывать крышу заново — дело небыстрое. Пришлось обойтись надежной подпоркой до самой весны, пока земля не отойдет и можно будет взяться за топоры. С тех пор как Лао Сы перебрался в эту заброшенную развалюху, в которую никто не хотел селиться, и отдал бригаде часть зерна в счет выкупа, эта земля официально закрепилась за его семьей под усадьбу.

По округу разносился стук обухов и топот ног. Испытывая конструкцию на прочность, Гоудань навалился на бревно всем телом, попытался раскачать его — подпорка стояла намертво. С этим управились.

Хибара теперь выглядела совсем жалко. Ли Кай уже прикидывал, как по весне затеять настоящую стройку, но Ван Сюань покачал головой и отговорил его. Лекарь рассудил здраво: сейчас достаточно просто сменить прогнившие переводы и обновить солому, а настоящую усадьбу — просторную, из красного кирпича и под черепицей — лучше отложить на пару лет, когда жизнь в стране окончательно устоится. К тому времени они возмужают, и такое строительство ни у кого в деревне не вызовет косых взглядов и лишних толков.

Новый 1980 год встретили под наполовину обвалившейся крышей. Приятели, заглядывавшие на огонек, гурьбой забирались на теплый кан, из-за чего печь приходилось топить не переставая. Лао Сы только вздыхал, подсчитывая улетающие в трубу дрова, но в глубине души радовался. У сына в деревне было столько хороших друзей, что и самому старому отцу теперь жилось легче — люди зауважали, и при случае любой сосед охотно помогал по хозяйству.

Время катилось плавно и незаметно. С первыми весенними днями избу привели в порядок: сменили балки, настелили свежую золотистую солому, заново обмазали глиной треснувшие стены и плотно утрамбовали земляной пол. Разрушенный угол, где раньше держали дрова, расчистили и подняли из саманных кирпичей новые стены. Дом вернул свой прежний вид —

две просторные комнаты и небольшая клеть между ними. Рядом пристроили маленькую кухню под легким навесом; двери вешать не стали, решив, что в холода проем можно будет просто завесить плотной соломенной циновкой.

Ребята заметно выросли, и тесниться втроем на одном кане с отцом стало неловко. Как только закончился ремонт, Ли Кай и Ван Сюань перебрались в обновленную половину. Гоудань через школьных приятелей в уезде ухитрился раздобыть мешок гашеной извести и два настоящих стекла. Стены в обеих половинах тщательно побелили, а в рамы вставили новенькие матовые окна. В комнатах сразу стало празднично и светло. Саманные стены, покрытые ровным слоем побелки, выглядели на удивление опрятно — главное, не прижиматься к ним спиной, чтобы не испачкать одежду.

Втроем они отмерили вокруг дома изрядный кусок земли. По выходным, возвращаясь из уездной средней школы, парни шаг за шагом ставили прочную изгородь. Для расширения усадьбы требовалось разрешение бригады, но их жилье ютилось у самого отшиба, где границы дворов никто строго не отмерял. Пользуясь этим, Гоудань отхватил пустырь пошире, рассудив, что когда придет время строить кирпичный дом, свободная земля лишней не будет.

В последнее время многие деревенские смекнули, что времена меняются. На то, что раньше посчитали бы кулацким умыслом, теперь смотрели сквозь пальцы, и люди потихоньку прирезали к усадьбам бесхозные клочки земли. За забором можно было без опаски держать лишнюю птицу — выгода прямая. Пересудов никто не боялся, хотя такой огромный двор, как у Гоуданя, все равно мало кто решался огородить.

Как только плетень встал кольцом, двор привели в порядок: бурьян выкосили под корень, ровные здоровые деревья оставили тянуться к солнцу, а кривой кустарник и сушняк порубили на дрова. Прежняя убогая развалюха исчезла. На ее месте теперь высилась чистая, пахнущая свежей соломой усадьба — ладная и светлая.

Проходившие мимо соседи удивленно качали головами. Раньше Ли Сы сочувствовали: мол, бабы в доме нет, живут в дырявой халупе — чистые бобыли, несчастнее во всей Сикани не сыскать. А теперь погляди-ка: чистота, красота, в комнатах стены выбелены до сияния. После собственных закопченных, темных углов крестьянам чужие комнаты казались чуть ли не господскими покоями.

Лао Сы от этих похвал так и цвел. Соседи, приметив оставшуюся в углу двора известь, то и дело заходили поклонить горсть-другую — кому печь подмазать, кому угол обновить. Старик не жадничал, делясь остатками.

В старом отцовском доме ему, как младшему, всегда доставался самый тесный и темный закуток. Родители лишь отмахивались: кто поздно женился, тому и локтями толкаться у общего пирога не след. Лао Сы и не спорил. А когда пришлось съехать сюда, жизнь и вовсе пошла собачья: латали дыры с маленьким Гоуданем как могли, глиной забивали щели, а в грозу, стоило небу разверзнуться, в избе шел собственный дождь. Вся посуда, от треснувших мисок до ночных горшков, шла в дело — ловить капли с потолка. Так и вековали.

Теперь же сын вырос, взял бразды правления в свои руки, и жизнь потекла так ладно, словно в сказке. Старику и этого хватало за глаза, но Гоудань с заговорщицкой улыбкой твердил, что через пару лет построит для отца настоящий кирпичный дом. «Будешь жить, батя, как прежние помещики!» — смеялся парень. Лао Сы лишь добродушно ворчал в ответ, считая это сыновней шуткой. О помещичьих усадьбах он и помыслить боялся — куда им, простым людям, в такие выси метить? Ему и так было тепло и сытно.

Старик был по-настоящему счастлив.

Сын из каждой поездки в город привозил какую-нибудь полезную в хозяйстве мелочь. В этот раз он притащил коробку с цыплятами — крошечные желтые комочки жались друг к другу, наполняя комнату неугомонным писком.

— Всего дюжина, батя. Покупал десяток, да торговец сверху отдал двоих совсем квёлых, даром, — пояснил Гоудань, бережно передавая коробку отцу.

— Неужто теперь свободно торговать дозволили? — удивился Лао Сы. Перемены вокруг сыпались одна за другой, и он едва успевал за ними следить.

— Да торговали-то всегда, только раньше больше из-под полы, — с улыбкой ответил сын. — В центр уезда соваться с этим делом по-прежнему боязно, приличные люди всё так же ходят в магазин несладких продуктов. Зато на окраинах теперь каждое утро шумят рынки. Пригородные мужики тащат туда всё, что уродилось на огородах, а к полудню уже расходятся. Вот и цыплят этих хозяева домашних инкубаторов на продажу выводят.

— И то ладно, — оживился Лао Сы. — Доселе мы птицу не держали. Вот вырастим несушек, станем яйца приберегать да тоже возить на продажу. Копейка лишней не будет.

Гоудань только мысленно хмыкнул — надо же, как быстро батя приноровился к новым веяниям!

— Там еще утят продавали, из тех, что несутся зеленоватыми яйцами, — подал голос Ван Сюань. — Да только брат Гоудань рассудил, что утки эти мелкие, а жрут за двоих. Опять же, им вода нужна каждый божий день. Бате пришлось бы гонять их на речку, а у него и без того забот полон рот. Не разорваться ведь.

— Верно умом раскинул, — согласился старик. — Прежде-то у нас держали мускусных уток, им пруд без надобности, да только мясо у них тяжелое, пахнет тинной. Да и шуму от утиного племени много — соседи мигом сосчитают по голосам, и придут активисты «обрезать капиталистические хвосты». Нет уж, курица — она куда надежнее и тише.

Ван Сюань запарил для питающих новоселов пригоршню дробленого риса. Лао Сы тем временем ловко сплел из бамбуковой щепы неглубокий садок, выстлал дно сухой соломой и бережно пересадил туда цыплят из коробки. На ночь садок решили оставлять в отцовской

комнате, поближе к теплу, а как только питомцы оперятся — сладить для них в затишке у забора теплый курятник.

Перед самым отъездом в уезд Ли Кай и Ван Сюань сходили к заброшенному храму и набрали целый мешок сочных бамбуковых побегов. Этот нехитрый гостинец они притащили в дом Лю Юаня — того самого офицера, однополчанина Чэнь Чжэнго, который когда-то привез ребятам денежную награду и помог раздобыть дефицитный хлопок. Парни не теряли с ним связи: навещая город, они частенько заглядывали к нему, чтобы порадовать его пожилую мать сушеными дикими финиками или ароматными лесными грибами. Отношения у них сложились по-семейному теплыми.

Как-то раз Ван Сюань обмолвился, что на храмовой горе растет удивительно нежный бамбук, а старушка вздохнула, заметив, что в летнюю жару нет ничего лучше холодной бамбуковой закуски с острым маслом. Ребята намотали это на ус. И стоило выдаться свободным выходным, как они накопили целый мешок лакомства. Хоть побеги были нечищеными и после чистки от них осталась едва ли треть, пожилая женщина растрогалась до слез и наотрез отказалась отпускать гостей без обеда.

Спорить парни не стали. Они живо принялись помогать хозяйке по кухне — чистить овощи да мыть зелень. Когда Лю Юань вернулся со службы, его встретил веселый стук ножей и довольный смех матери. Мальчишки поздоровались с ним просто, без лишних церемоний, и продолжили возиться у плиты. За последние годы они сильно сблизились с хозяином дома. Офицер, человек битый жизнью и мудрый, нередко делился с сиротами житейским опытом, наставляя их в делах, которым их собственный отец научить просто не мог.

Всё то, о чем молчал Лао Сы, ребята черпали у командира Чэня и у Лю Юаня. Юань частенько говаривал:

— Хочешь понять, что за человек перед тобой — не слушай его речей. Смотри, как он держится в мелочах, о чем рассуждает и как поступает, когда доходит до дела. Только тогда поймешь, стоит ли делить с ним хлеб и можно ли положиться на него в трудную минуту.

Эти уроки врезались мальчишкам в память на всю жизнь.

Парни полностью разделяли его суровую армейскую мудрость.

Впрочем, на кухне Ли Кай продержался недолго — Ван Сюань безжалостно выставил его за дверь. Толку от Гоуданя у плиты было мало: готовить он толком не умел и только путался под ногами. Отряхнув мокрые ладони, Ли Кай присел на веранде рядом с хозяином дома. Людские судьбы вяжутся в причудливые узлы: порой живешь бок о бок с человеком годами, а он остается чужаком. А с кем-то перекинешься парой слов — и чувствуешь себя так, будто сто лет знакомы. Наверное, это и называют родством душ.

Лю Юань был человеком суровым и серьезным — из тех, кто не бросает слов на ветер. В нем не было ни капли того шепутного, разгульного задора, которым отличался командир Чэнь, да и на

самого Гоуданя он походил мало. И все же они ладили удивительно легко.

— Что, выставили вон? — не отрываясь от газеты, усмехнулся офицер.

— А-Сюань ворчит, что я только продукты перевожу, — ухмыльнулся Ли Кай, поудобнее устраиваясь на жестком стуле.

Лю Юань, закинув ногу на ногу, перевернул страницу свежей газеты.

— И что там пишут интересного? — спросил парень. — Что толку в этих бумажках?

— Глупый ты еще, — ровным голосом отозвался мужчина. — Из этих строк можно узнать, куда ветер дует. Великие дела вершатся молча. Бывает, о чем-то на страницах прямо не заявляют, но раз не запрещают каленым железом — значит, власть дает молчаливое добро. Лови момент, действуй.

— Неужто всё так просто? — недоверчиво прищурился Ли Кай.

Лю Юань молча протянул ему еще один лист со столика. Гоудань взял его в руки, и первый же заголовок, бросившийся в глаза, заставил его подобраться: «Семейный подряд — путь к процветанию деревни». Ли Кай углубился в чтение.

Строчка за строчкой, статья за статьей — перед ним разворачивался огромный, бурлящий мир, скрытый от глаз обитателей глухой деревни. То, мимо чего он раньше проходил не задумываясь, теперь представало масштабной государственной реформой. Газеты вовсю пестрели портретами партийных лидеров и детальными снимками грандиозных строек на юге страны, где прямо среди пустырей поднимались к небу новые заводы.

Черные типографские знаки оказались настоящим окном в большую жизнь.

Он читал запоем, забыв обо всем на свете, и отложил листы лишь тогда, когда Ван Сюань вынес к столу дымящиеся чашки.

— У меня в кабинете этого добра скопилось за несколько лет, — заметил Лю Юань, придвигая к себе палочки. — Коли интересно, забирай всё подчистую, мне без надобности. Новость — она ведь как пар над миской похлебки, мигом остывает. Пройдет неделя, и бумага годна лишь на то, чтобы растапливать печь. Я свое из них уже вычитал, выводы сделал. Тебе же советую начать с номеров годовой давности. Более старые не трогай, незачем голову забивать, а вот с прошлого года пошла самая важная каша. Поймешь, куда катится телега.

Препятствий никаких не предвиделось, и Ли Кай охотно кивнул, соглашаясь на щедрое предложение.

После сытного обеда Ван Сюань со вздохом принялся помогать другу связывать тугие пачки пожелтевших газет. Лю Юань отдал всё без остатка, великодушно заметив, что возвращать ничего не нужно. А уж станут ли мальчишки вчитываться в партийные лозунги, обклеят ли ими стены или пустят на нужды в отхожем месте — его совершенно не заботило.

В скромном домашнем кабинете Лю Юаня царил строгий армейский порядок. Книг на полках стояло немного, зато кипы периодики поднимались чуть ли не до потолка. Даже когда парни уложили в мешки годовой архив, на полу осталась внушительная гора. Офицер обмолвился, что сдаст остатки в утиль. Раньше с печатным словом шутить не следовало — не дай бог на обрывке окажется портрет великого Вождя, за неуважение можно было и партбилета лишиться, а то и под суд пойти. Оттого макулатуру копили годами в казенных сейфах да ведомственных архивах, опасаясь хранить дома.

Теперь дышать стало свободнее, и подобные страхи казались пережитком прошлого. Хозяин пообещал, что отныне будет откладывать для них каждый свежий номер. Пыхтя и отдуваясь, ребята дотащили набитые макулатурой мешки до школьного общежития и аккуратно пристроили у стены. Лю Юань хранил архивы строго по датам, и парни укладывали их бережно, чтобы не перепутать хронологию. Теперь в любую свободную минуту можно было вытянуть нужный лист и углубиться в чтение.

Вскоре подкрались летние каникулы. Пришла изнуряющая июльская жара; воздух до звона в ушах наполнился монотонным стрекотом цикад, укрывшихся в густых кронах вязов. Первый год учебы в уездной средней школе остался позади. В конце августа им предстояло снова явиться в канцелярию, чтобы записаться уже в восьмой класс.

К началу каникул они одолели добрые две трети архива. Прочитанные газеты Ли Кай без сожаления раздавал соседям по комнате — те с радостью обклеивали ими свои углы, спасаясь от сырости. Но к нечитанным номерам прикасаться строго-настрога запрещалось. Собрав нехитрые пожитки и связав матрасы, парни погрузили оставшиеся пачки газет в мешок и отправились в родную Сикань.

В детстве лето казалось бесконечным праздником. Мелководные речушки, тенистые рощи и бескрайние кукурузные поля были их законными владениями. Но время шло. Сверстники Ли Кая уже вовсю обзаводились семьями, а некоторые, вроде верзилы Дачжуана, и сами успели стать отцами. Изредка Гоудань наблюдал, как деревенская детвора помладше скачет по ветвям диких груш перед их забором, точно дикие обезьяны. Взрослые внизу исходили тихой бранью, но орать в полную силу не решались — не дай бог напугаешь сорванца, он и рухнет оземь, переломав кости.

Смотреть на это со стороны было забавно. Ведь совсем недавно он и сам был точно таким же сорвиголовой — таскал собак за хвосты, лазил по чужим огородам и не знал ни минуты покоя. Тогда мир казался простым и безопасным. А теперь погляди-ка на нынешнюю мелюзгу взрослыми глазами — чистые бесенята, по которым хорошая хворостина плачет. Одними окриками тут делу не поможешь.

Впрочем, звание главной грозы Сикани Гоудань давно уступил подрастающим преемникам.

Поколения сменяли друг друга, и колесо жизни катилось по давно наезженной колее. Мальчишки вырастали, а им в затылок уже дышали новые сорванцы, с точно таким же упорством совершая глупости, через которые когда-то проходили их отцы. И в этом вечном круговороте не было ничего дурного. Каждому отпущен свой срок на бесцельные забавы, свой путь ошибок и открытий, из которых в конце концов выплывает неповторимая человеческая душа.

Огороженный пустырь преобразился. Сорняки выпололи дочиста, и на освободившейся земле зазеленели ровные грядки с фасолью, кабачками и зеленью. Из двенадцати цыплят выжили девять — неплохой прирост для первого раза. Чтобы шустрая птица не портила урожай, Лао Сы сплел из бамбуковой щепы изгородь высотой по бедро, надежно отгородив огород от остального двора. Теперь куры могли вольно гулять где вздумается, но дотянуться до сочных всходов у них не получалось.

Правда, ходить по двору теперь приходилось с оглядкой — то и дело под ноги попадался свежий помет. Наступишь случайно — не беда: поплюешь на подошву, шаркнешь несколько раз о сухую траву у забора, да и поудобнее устроишься. Деревенская жизнь проста: коли держишь птицу, без грязи под ногами не обойтись. Как двор ни мети, куры — народ невоспитанный, облегчаются где придется, за ними с веником не набегаешься.

Первые щенки Дагуай давно превратились во взрослых, статных псов. В том помете было пятеро кутят. Посовещавшись, хозяева оставили себе двоих — кобелька и сучку, а остальных раздали. Теперь во дворе несли службу четыре крупные собаки. Трех щенков с радостью забрали односельчане: прослышав об удивительном уме Дагуай и Сяогуая, мужики выстроились в очередь за их потомством.

Да только не в каждом дворе к животине относятся по-человечески. Ли Кай не раз замечал, как новые хозяева одного из кутят, не зная ласки, то и дело охаживали пса хворостинкой или пинали сапогом под дых. А верный пес, скуля от боли и поджимая хвост, все равно полз к ним на брюхе, преданно заглядывая в глаза и пытаясь лизнуть руку мучителя.

У Ван Сюаня от таких зрелищ сердце кровью обливалось. Но поделать они ничего не могли — чужой двор, свои порядки. Для большинства деревенских собак оставалась всего лишь бессловесной скотиной: сторожит дом — и ладно, а коли надоест или кормить станет нечем, так и на мясо пустить не грех. Двое других щенков устроились получше, хотя и там хозяйской ласки не знали. Одного из них, впрочем, за условную плату забрали владельцы того самого кобеля, с которым когда-то сгуляла Дагуай. Так что отец и сын теперь жили вместе.

И все же ни один из розданных псов не мог сравниться с теми, что остались у ребят. Домашние выросли на диво крупными, сильными и лоснящимися. Сказалась отцовская порода — кобель пошел в родителя, вымахав ростом чуть ли не по пояс Гоуданю, с мощной грудью и умными, почти человеческими глазами.

Дагуай давно могла бы принести второй помет, но Ван Сюань, знавший толк в снадобьях, стал подмешивать ей в похлебку травяной отвар, от которого сука пустовала. Парни понимали: прокормить целую свору им не под силу, а отдавать щенков в чужие руки, не зная, какая доля

их ждет, было невыносимо. Вдруг вырастят да забьют на шкуру или съедят в голодную зиму? Чем обрекать невинные души на безвестные муки, лекарь решил вовсе не допускать лишнего приплода.

Собака по весне исправно гуляла, но щенков не приносила. Теперь и молодые псы вошли в силу, начав засматриваться на соседских сук, так что лекарские порошки пришлось как нельзя кстати — иначе усадьба мигом превратилась бы в шумный псарь.

Все каникулы парни провели в деревне, покидая двор лишь ради самых неотложных полевых работ. Они до корки изучили гору газет, часами обсуждая прочитанное и пытаясь сопоставить сухие партийные строчки с переменами, что происходили прямо у них под носом. Прежние приятели то и дело заглядывали к ним на огонек. Дачжуан порой приходил с трехмесячным сынишкой на руках. Крепкий, круглолицый бутуз пошел весь в отца — такой же чернявый и плотный, он забавно сучил ножками и залиvisto гулил, стоило Гоуданю состроить ему смешную гримасу.

Дачжуану едва исполнилось девятнадцать, но от прежнего безусого мальчишки не осталось и следа. Перед ребятами сидел заматеревшийся, почерневший от работы под солнцем мужик с тяжелыми мозолистыми руками и озабоченным взглядом семейного человека. Новая роль отца и хозяина пришлась ему по плечу. Уходя домой, он неизменно выпрашивал у Ли Кая пачку старых газет — заклеить осыпающуюся глину над каном.

Вскоре вся округа прознала, что у Гоуданя скопились целые залежи отличной бумаги. Соседи потянулись к ним во двор один за другим. В Сикани почти все хаты были саманными; со временем глина подсыхала, и со стен на спальные каны начинала сыпаться мелкая пыль и сухая соломенная труха. Чтобы уберечь постели, крестьяне прибавляли к стенам плотную бумагу. Газеты подходили для этого как нельзя лучше — и чисто, и читать перед сном можно.

К концу лета выяснилось, что в этом году еще несколько деревенских ребятишек сумели сдать экзамены в среднюю школу. С тех пор как в стране восстановили вступительные экзамены в вузы, крестьяне воспряли духом. Даже самые упрямые главы семейств поняли, что через книгу можно пробить дорогу в жизнь. Родители мечтали выучить детей хотя бы на счетовода или агронома, чтобы те поступили в техникум, получили заветное распределение и навсегда сбросили с себя крестьянское ярмо.

Иньтоу, который в детстве хвостом ходил за Гоуданем и Ван Сюанем, тоже оказался среди счастливиц. Его старший брат, оболтус Цзиньтоу, к учебе рвения не проявлял: бросил школу во втором классе, едва научившись складывать слоги, и теперь семья всюду искала ему невесту — все-таки первенец и старший внук в роду, пора и о продолжении фамилии подумать. На младшего Иньтоу взрослые махнули рукой, не ожидая от него подвигов, но парень неожиданно для всех показал неплохие успехи в грамоте.

Старая тетушка рассудила здраво: раз уж из всей оравы только у Иньтоу голова варит, надо дать парню шанс. Остальные братья и сестры уродились упрямыми и к книгам глухими — редкий экзамен сдавали без двоек. На их безрадостном фоне Иньтоу, чей табель едва дотягивал до средних отметок, казался домашним мудрецом. В конце концов, если и тратить

скудные семейные гроши на ученье, так выбирать того, кто хотя бы понимает, что написано в учебнике.

Так Иньтоу стал главной надеждой семьи. Сияя от гордости, он прибежал на край деревни с извещением о зачислении в руки — похвастаться перед Гоуданем и рассказать, что скоро тоже уезжает в уездную среднюю школу. Ван Сюань бережно взял плотный лист, скользнул взглядом по казенным строчкам и понимающе усмехнулся. Иньтоу проскочил на честном слове, оказавшись в самом конце списка. В уезде как раз ввели новшество — делить классы по успеваемости, так что парня с его тройками определили в самый обыкновенный, «слабый» поток.

Но как бы там ни было, вырваться из деревни за парту — уже великое счастье, и парень заслужил свою минуту триумфа.

<http://bllate.org/book/19654/1996749>